

Елена Филиппова

ВЗЯТКА

Победит ли
коррупция
Россию?

СКАНДАЛЬНЫЕ РУССКИЕ БРЕНДЫ

Елена Михайловна Филиппова
Взятка. Победит ли коррупция Россию?
Серия «Скандальные русские бренды»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180649
Е. Филиппова. Взятка. Победит ли коррупция Россию?: Вектор; СПб; 2008
ISBN 978-5-9684-1133-4

Аннотация

Для решения многих вопросов существует в России практически универсальная технология – взятки. Про взятки ходят анекдоты, деньги на них собирают порой из последних кровно нажитых, и их же используют как самый действенный рычаг, когда нужно добиться желаемого. В любой сфере: от медицины до приобретения оружия, от устройства в детский сад до дел в прокуратуре – взятка надежна, проста в исполнении и проверена в действии. Собственно, само явление взяточничества – это такой русский стиль отношений с властью. Вот уж действительно – национальный бренд. Только нужен ли он России – бренд, разрушающий страну изнутри?..

Содержание

От редакции	5
Мздоимство, лихоимство, сребролюбие	7
Великие взяточники прошлого: портреты замечательных людей	12
Александр Данилович Меншиков – строитель Петербурга	14
Дело непотопляемого Сухарева	16
Дело следователя Крылова и генерал-прокурора Глебова	19
Технология взятки	22
Виды взяток	22
Взятка натурой	23
Взятка деньгами	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елена Филиппова

Взятка. Победит ли коррупция Россию?

Гимн взятке

Пришли и славословим покорненько
тебя, дорогая взятка,
все здесь, от младшего дворника
до того, кто в золото заткан.

Всех, кто за нашей десницей
посмеет с укором глаза весть,
мы так, как им и не снится,
накажем мерзавцев за зависть.

Чтоб больше не смела вздыматься хула,
наденем мундиры и медали
и, выдвинув вперед убедительный кулак,
спросим: «А это видали?»

Если сверху смотреть – разинешь рот.
И взиграет от радости каждая мышца.
Россия – сверху – прямо огород,
вся наливается, цветет и пышится.

А разве видано где-нибудь, чтоб стояла коза
и лезть в огород козе лень?..
Было бы время, я б доказал,
которые – коза и зелень.

И нечего доказывать – идите и берите.
Умолкнет газетная нечисть ведь.
Как баранов, надо стричь и брить их.
Чего стесняться в своем отечестве?

Владимир Маяковский

От редакции

В России две беды: дураки и дороги... Так гласит народная мудрость. Но, кажется, глас народа о чем-то умалчивает. И умалчивание это неспроста. Издревле, да и в наши дни, российские граждане решают множество вопросов, используя практически универсальную технологию – взятки. В разное время называлась эта методика продвижения дела или решения проблемы разными словами – от стяжательства до коррупции. Но суть оставалась все та же: чтобы получить что-нибудь нужное, надо заплатить тому, кто этим нужным заведует. Вот уж действительно – «скандальный русский бренд».

Причем такой метод получения доходов особенно характерен для определенного слоя, для тех, кто подвешен между живущими на зарплату наемными работниками и теми, кто находится на вершине пирамиды власти. Первым взятки брать не у кого, вторым – незачем. Но есть в России те, кого с интонацией разной степени ласковости называют чиновниками.

Чин – служебный разряд военных и гражданских служащих, с которым связаны определенные права и обязанности. До начала XVIII века в России существовали только думные чины. Но Петр I – великий реформатор всех сфер российской жизни – решил упорядочить народ великий, но разношерстный. И упорядочил, введя чины 1–14-го классов, которые и были прописаны в Табели о рангах. Так появились в нашем отечестве чиновники. Взятничество, конечно, появилось раньше, но с тех пор оно прочно стало ассоциироваться с человеком, который заведует заветной печатью, обладает разрешающей подписью или просто может написать нужную бумажку. То есть имеет хоть какую-то власть что-то изменить.

Про взятки ходят анекдоты, деньги на них собирают порой из последних кровно нажитых, и их же используют как самый действенный рычаг, когда нужно добиться желаемого быстро. В любой сфере – от медицины до приобретения оружия, от устройства в детский сад до дел в прокуратуре – взятка надежна, проста в исполнении и проверена в действии. Как это ни печально, но факт.

Собственно, само явление взяточничества – это такой русский стиль отношений с властью. Чин как будто предполагает с собой в придачу инструмент – ловушку для денег. Да и борзыми щенками, наверное, кто-то еще берет. Для чиновников даже характеристика особая придумана: берет – не берет, если берет, то чем и сколько, если не берет, то ПОЧЕМУ?!

В наше время взяточничество доросло до состояния глобального. О коррупции говорят везде. С ней борются, ее осуждают. Президент Дмитрий Медведев 19 мая 2008 года во «Вступительном слове на совещании по проблемам противодействия коррупции» просто и ясно обрисовал, как такой стиль управления с помощью мзды и «лапы» отражается в глазах мирового сообщества:

«Очевидно, что коррупция – это угроза для любого государства. Она разлагает деловую среду, снижает дееспособность государства, отражается на имидже государства. Но самое главное – коррупция подрывает доверие граждан к власти, к тем проблемам, которыми власть должна заниматься.

<...>

Мы должны создать антикоррупционный стандарт поведения. Без этого ничего не будет. Ведь в развитых странах, как мы обычно говорим, в странах с высокой правовой культурой, взяток не берут не только потому, что боятся, но и в том числе потому, что это невыгодно, это разрушает карьеру до конца. И это, может быть, самый сильный стимул».¹

¹ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/05/200940.shtml>

Вот мы и предлагаем задуматься, выгодно ли великой стране иметь такой бренд, как взяточничество – не только скандальный, но еще и разрушающий страну изнутри.

В этой книге очень много фактического материала. То есть это предельно документальная книга, в ней вы найдете ссылки на газетные публикации из разных регионов нашей необъятной страны, документы фонда политических исследований ИНДЕМ, статьи Уголовного Кодекса, а также советы и комментарии юриста *Нины Петренко* и психолога *Александры Сизовой*.

Мздоимство, лихоимство, сребролюбие

Взятничество в России имеет богатую историю, не стоит представлять себе предков белыми и пушистыми. Я тут прочитала кое-какие современные книжки и статьи, из которых выходит, будто Русь была чуть ли не филиалом земного рая, где княжеские дружинники и простой народ жили в любви и благодати, а уж во времена централизованного государства Московского так вообще царили мир, согласие и взаимопонимание с отеческим правлением и справедливыми указами. Все нехорошие дела в государстве Российском списываются то на хазар, то на евреев, то на монголов, а тех, кто считает иначе, авторы откровенно называют врагами народа. Чуть это собачья! Все исторические материалы вопиют об обратном. И сведения о подкупах, лжи, обмане, взятках и посулах не придуманы врагами русской нации, а честно записаны монахами-хронистами. Они совершенно бесстрастно повествуют о таких чудовищных злоупотреблениях, что диву даешься, как народ только терпел таких вершителей закона на своей земле. Все хороши – и сами князья, жадные до богатства и власти, и их дружинники, считающие поборы нормой жизни, а позднее – и назначенные князьями судьи.

Например, по *Двинской уставной грамоте* 1398 года взятничество, которое, очевидно, всех допекло, вполне конкретно считается правонарушением и должно караться по закону. Причем там речь идет о взятке, которая дается не для того, чтобы дело было решено несправедливо, а для того, чтобы оно вообще начало решаться! Судьи XIV века от Рождества Христова действовали по очень простому принципу: не дашь посула, поминок (подарков), так ради чего весь сыр-бор затевать? Что нам работать за просто так? Если учесть, что система правосудия в те времена была весьма специфически организована: должность судьи практически не оплачивалась, – то судью понять можно: жить, граждане, и судье хочется, и кушать ему и его семье тоже нужно! А так законники древней Руси были переведены почти что на подножный корм: их содержало не государство, а разоренное поборами государства население. Вот отсюда-то, из нашей древности, и пошло правило, что за любую справку, выписку, ведение дела нужно судейских кормить. Эта система так и называлась – *система кормлений*. Она сама по себе порочна, поскольку развивает аппетит законника. Но *Двинская грамота* особенно акцентирует внимание не на «нормальном» посуле, то есть официальной для тогдашнего времени плате судейству, а тайном посуле, иными словами, речь ведется о запрещении подкупа.

Видимо, подкуп судей был слишком обыденным явлением, и дело решалось в пользу того, кто больше дал. Недаром в *Судебнике* 1497 года есть такие слова: «Посулов боярам, и околничим, и диакам от суда и от печалования не имати; також и всякому судие посула от суда не имати». Для предотвращения подкупа вменялось в судейскую обязанность оповестить население, чтобы истец и ответчик не предлагали взятку за необходимые показания и не давали на лапу самим судьям. Если таковые сведения становились известными, то дело считалось решенным неправо. Лишь через полвека в *Судебнике* 1550 года за посулы впервые можно было привлечь виновных к уголовной ответственности. По одной из статей, «которой дьяк список нарядит, или запишет не по суду, не так как на суде было, без боярского, или без дворецкого, или без казначеева ведома, а обыется то в правду, что он от того посул взял, ина том дьяке взяти перед боярином вполы да вкинути его в тюрьму», по другой: «подьячий, который запишет дело не по суду, для посула, без дьячего приказа, и того подьячего казнити торговою казнью, бити кнутъем», по третьей: «без старосты и без целовальников суда не судити и посулов наместником и их тиуном, и их людям не имати; а на государя своего тиуну и пошлиннику никому посулов от суда не просити».

Но это уже эпоха *Ивана Грозного*, первого борца с московской коррупцией. При нем было возбуждено и завершено дело о посуле – и виновный был принародно казнен в Москве

на Лобном месте. Именно Грозный установил для сидящих на кормлении должностных лиц допустимую норму поборов с населения, впервые при нем было введено понятие злоупотребления должностью и использования служебного положения. Но созданные в эту эпоху приказы, породившие множество новых должностей, жили поборами. Иначе даже при централизованном финансировании их сотрудники протянули бы ноги.

Сейчас трудно сказать, какие именно подношения от населения получали приказные люди, но вот почести и поминки от монастырей скрупулезно перечисляются в монастырских книгах. Это очень часто предметы первой необходимости: ложки, кружки, стаканы, четки, гребни. Приказные люди были очень и очень бедны. А от них требовалось, чтобы они содержали себя надлежащим образом, чисто одевались, имели материалы для работы. Поэтому в приказы из монастырей поступали и денежные средства – на одежду, на пропитание, часто приказы снабжались монастырской едой. Из монастырей в приказы везли соль, рыбу, хлеб, иконы и книги. Простой люд чаще отделялся калачами и пирогами. Сохранились даже расценки на такие подношения – пирог стоил от 6 до 24 копеек, коврижка – от 9 до 25 копеек, калушка – целых 50 копеек. Для той эпохи это вполне ощутимые деньги. Такие дары приказным именовались почестью, они были чем-то вроде современной взятки коробкой конфет или бутылкой коньяка, но в те годы взяткой вовсе не считались. Напротив, если население не оказывало бы приказным почести, они были бы сильно удивлены.

С приказными лучше было не ссориться.

Как пишет исследователь *П. В. Седов*, в 1670 году «подьячий Большого дворца Л. Вязмин просил иверских монахов, „чтоб ему зделать двои колясы на коляски нарочитые“, что и было исполнено. „А человек он угрюмой, – сообщали из Москвы, – пуще дьяков. Станет дело делать – зделает, а не захочет – спортит“. По словам монахов, он все откладывал дело: как „ни виснем <...> и он дел не делает“. Этому „угрюмому“ подьячему монахи заказали в Москве „два стула круговых“ и сообщали в монастырь: „всяко щетаемся – иным сеном, а иным стулами и телегами и досками“».²

Иными словами, монастырь вынужден был для начала и честного ведения дела дать взятку подьячему Вязмину. Если же вдруг подьячий почести не брал, дело было худо. Когда занимавшийся делом Иверского монастыря боярин *Хитрово* не взял почесть «сковороткой рыбки» (эта сковоротка могла включать и воз, и два отборной дорогой рыбы), а заявил, что «сковороткою-де у меня не отделаются, есть-де у меня дело с вами, дело большое, послушаю-де сам; и в разговор не дался и письмо отдал», монахи перепугались и отписывали в свой монастырь, что не знают, что им дальше делать. Они боялись неправого суда, а отказ от почести мог означать именно то, что боярину кем-то уже заплачено большим количеством «сковороток».

К XVII веку почесть стала формой узаконенной взятки, ее уже давали не «сковоротками рыбки» или ложками-гребнями, а просто деньгами. Эти подношения так и назывались: «в почесть за рыбу», «в почесть за стол» (то есть вместо прежних обедов) или «в почесть за яйцо» (взамен одаривания приказных людей пасхальными яйцами).

Кроме этих поборов на кормление существовали поборы за составление документов и выдачу справок, совсем как сегодня. И расценки были по тем временам немаленькими: за принятие челобитных и запись их в приказе – 10 копеек дьяку и 6 копеек сторожу, за поиск документа – 18 копеек, за выемку документа – 6 копеек, за исправление в выписке и пометку старшим дьяком – от 50 копеек до 3 рублей, за выписки из дел – от 10 копеек до 1 рубля 50 копеек, в зависимости от величины выписки (лист выписки ценился в 10 копеек). Поскольку

² Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII века // Отеч. история. М., 1996. № 1. С. 139–150

стоимость работы зависела от величины выписки, приказные люди научились писать особым размашистым почерком, чтобы челобитчик вынужден был подороже оценить их труд. Особые деньги платились за скорость ведения дела. Если челобитчик платить лишнего не хотел, его дело волокитили (не правда ли, очень похоже на современность?). Плата была высокой. Например, Тихвинский монастырь для ускорения дела проплатил труды Тимофеева и Иванова по 3 рубля и 1 рублю 50 копеек соответственно.

Кроме официально разрешенных поборов с населения были и незаконные, то есть взятки. В монастырских книгах, как сообщает исследователь П. В. Седов, они честно заprotoлированы:

«В 1634 г. стряпчий Спасо-Прилуцкого монастыря „снес“ дьяку Г. Мартемьянову 30 руб. В следующем году старец того же монастыря Левкий, приехав в Москву добиваться места келаря, „дал“ дьяку Г. Нечаеву за свое и монастырское дела четыре раза по 20 руб., всего Г. Нечаев получил в этом году от монастыря „посулов“ на 90 руб. В 1676 г., когда выписка Иверского монастыря легла „на стол“ перед А. С. Матвеевым, было „посулено боярину“ 50 руб., подьячему Б. Протопопову – 30 руб. Примечательно, что и „за письмо“ самой выписки было заплачено намного больше нормы – 4 руб. 50 коп. В 1682 г. посадские люди Старой Руссы собирались „поднести“ за свое дело окольному А. И. Ржевскому 50 „червонных золотых“. В 1684 г. за монастырское дело в Новгородском приказе тихвинские монахи дали, не считая трат на оформление дела, думному дьяку Е. И. Украинцеву 30 руб. и стопу серебряную, подьячему И. Уланову – 20 руб., молодому подьячему Н. Ключареву – 10 руб. В том же году за другое дело Тихвинского монастыря Е. И. Украинцев получил еще 16 руб., И. Уланов – 15 руб. 50 коп., Н. Ключарев – 6 руб. В 1674 г. иверские монахи узнали, что крестьяне старорусских погостов, добиваясь освобождения от власти монастыря, подали челобитную „мимо всех“ приказов царскому духовнику и „верховому спалнику“ Д. Лихачеву „и сулят им“: духовнику—1000 руб., а Д. Лихачеву – 2000 руб. В 1682 г. судья приказа Большого дворца М. С. Мертвого, оказывавший покровительство Иверскому монастырю, сообщил иверским монахам, что их противник ему „сулит тысячу рублей <...> и подьячему давал пятьдесят рублей, чтоб он ему то дело показал и на ево б руку гнул“».³

Но самое прямое доказательство того, чем был посул в средневековой Руси, – это подлинное письмо казаков города Дедилова, которые решили дать взятку дьяку Давыдову, да нечаянно перепутали его с другим дьяком, так что о взятке стало известно, и казаков примерно наказали – били кнутами и батогами, как это предписывало *Соборное уложение*. Вот текст этого замечательного документа:

«Бьют челом Дедилова города сторожевые казаки пятьдесят человек да полковых казаков десет человек. Смилуйся, государь, пожалуй нас, заступи своею милостию, а мы от того дела тридцать кули сухарями, дватцатью полот ветчины, четверть круп московской меры. Государь, смилуйса пожалуй».⁴

Дьяки не брезговали и вымогательством. Они могли специально так затягивать дела, что челобитчикам приходилось раскошелиться. Причем эти продувные бестии часто составляли два варианта необходимого документа: если клиент платит, в ход шел благожелательный для челобитчика, а если клиент платить не хочет – что ж, был и второй вариант

³ Там же.

⁴ Цит. по: Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII века.

– направленный против челобитчика. Чтобы вынудить платить, хитрый подьячий предъявлял клиенту оба варианта судебного решения, и уж тут человек был волен выбирать между законом и беззаконием.

Дело об одном таком старинном вымогателе нам известно благодаря розыскам уже процитированного мной Седова. Дело это выглядело так. Некий подьячий Савлуков решил «снять» с Иверского монастыря 900 рублей, которые монастырь был должен, но затем получил прощение долга по царскому указу. По закону монастырь попал под амнистию, и долгов за ним не числилось. Однако запись о долге у подьячего была. И он решил «скрыть» царский указ. Поэтому стал требовать от монастыря немедленного возвращения долга... либо уплаты лично ему, Савлукову, 50 рублей! Монахи возмутились и пожаловались на взяточника и вымогателя. Но... Савлукова не наказали, а лишь мягко попеняли, что он своими действиями... затягивал справедливое решение дела! Дальше – больше. Савлуков стал портить монастырю жизнь. Как пишет Седов, этот товарищ начал покрывать бежавших из монастыря крестьян.

При этом подьячий не переставал вымогать 50 рублей, требуя половину суммы вперед, прежде чем он уничтожит неблагоприятную для монастыря выписку. В 1672 году Савлуков добился отправки боярской грамоты о взыскании с монастыря 900 рублей, но одновременно не прекращал вымогательства: «Буде-де тех мне пятидесяти рублев не воротят, и я-де им то зделаю, что будут по-прежнему и последние девятсот взяты».

Не находя управы на подьячего, монастырские власти обратились к архимандриту Чудова монастыря Иоакиму: «Велит ли он давать те денги или нет и что он про то скажет». Судя по всему, Иоаким советовал откупиться от подьячего, которому было вручено теперь уже 100 руб. В 1674 году Савлуков стал утверждать, что денег не получал, и требовал их вновь. Монахи пригласили подьячего на свое подворье, где он согласился взять еще 20 рублей и 20 пудов соли и обещал «все конечно помертвить».

Как видите, противодействие дьяка правосудию было прекращено самым простым способом: монахи от него откупились... Исследуя дела о посулах XVII века, приходишь к неутешительному выводу, что вся приказная система была сверху донизу коррумпирована, совсем как в наши дни. И если при дворе у челобитчика не было заступника, то наказать дьяка за вымогательство было невозможно. Дьяк упорно твердил, что его «огласили», то есть оклеветали. И верили скорее дьяку, чем челобитчику. Да и брать взятки подьячие постепенно стали по-умному. Они уже не принимали подношений прямо в приказе, зато, по запискам Григория Котошихина, делали это «хотя не сами собою, однако по задней лестнице, чрез жену или дочь, или чрез сына и брата и человека, и не ставят того себе во взятые посулы, будто про то и не ведают».⁵ Такие вот чудесные дела творились под солнцем в те времена, которые иные борзописцы считают эталоном справедливости и отеческой заботы о гражданах.

От той поры до наших дней и дошли замечательные народные афоризмы:

Без масла каша не вкусна.

Без поджоги и дрова не горят.

Быть было беде, да случились деньги при бедре.

В мутной воде хорошо рыбу ловить.

В суд ногой – в карман рукой.

В суд пойдешь – правды не найдешь.

Возьми на калачи, да только делом не волочи!

Вор виноват, а подьячий мошне его рад.

⁵ Цит. по: *Белинский В. Г.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Сочинение И. И. Голикова // Собр. соч.: В 9 т. М.: Худ. лит., 1979. Т. 4.

Всяк подьячий любит калач горячий.
Дари судью, так не посадит в тюрьму.
Дарить было не мало, да денег не стало.
Дело правое, да в кармане свербит.
Для того дело тянется, что виноватый нравится.
Добр дворянин, что ездит не один (а с приносом).
За правду плати и за неправду плати.
За тем дело стало, что за ним приданого мало.
Закон – дышло: куда хочешь, туда и воротишь.
Заступить заступил, а пять рублей слупил.
Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода (или судья) принос.
Когда бы взял за дело, так бы и брюхо не болело.
Лошадь с волком тягалась – хвост да грива осталась.
Не судись: лапоть дороже сапога станет.
Не тягайся – удавишься.
Не ходи в суд с одним носом, ходи с приносом!
Неподмазанное колесо скрыпит.
Подьячий любит принос горячий.
Помути бог народ – накорми воевод!
Поплатись за правду, заплатись и за неправду!
Просьбы не доуки, как не пусты руки.
С переднего крыльца отказ, а с заднего – милости просим!
Судье полезно что в карман полезло.
Тяжба – петля; суд – виселица.
Тяжбу завел – стал гол как сокол.
Что черно, что бело, вызолоти – все одно.

Спасибо вам, что сохранили печальную память нашей истории, великий исследователь русского языка, датчанин Владимир Иванович Даль!

Великие взяточники прошлого: портреты замечательных людей

При Петре указы были разогнаны, им на смену пришли коллегии. Впрочем, оказалось, что хрен редьки не слаще. Просто теперь чиновников на душу населения в стране стало гораздо больше. С жалованием у них была все та же проблема, взятки официально уже запрещались – больше никаких посулов, поминок или почестей! Петр Великий в декабре 1714 года издал указ о борьбе со взяточничеством. Царь был строг, яростен и своеволен. Ему ничего не стоило отправить мздоимца на плаху. Отправил же птенцов гнезда Петрова? Не посчитался с тем, что выпестовал их и сам дал им высокие должности. Например, Алексея Новикова. Издал указ и даже не поперхнулся. Только смотрел из окна Ревизион-коллегии и дергал правой щекой – гневался. А уж о каких-то «чужих» и вовсе не думал. Вот дело глуховского коменданта Волкова. Того вовсе было велено не предавать земле:

«За оное воровство велите его яко злодея на площади, или на болоте, казнить смертию и труп его в землю не хоронить (но чтоб лежал поверх земли видим всем) до самой весны, пока большой теплоты не будет».⁶

И лежал этот труп, лежал, вызывая содрогание в чиновничьих умах. Не одна голова слетела с плеч за время царствования Петра. Безжалостно расправлялся он и с нуворишами, и с представителями древних родов. Занимающего высокий пост князя Гагарина (кстати, по обвинению позднее казненного Алексея Новикова) велел отправить на виселицу. Не спасли ни знатность, ни богатство. А кого не казнил, сажал на «чепь», как пса. И сидели на «чепях» провинившиеся губернаторы, сенаторы и прочие высокопоставленные лица. Но лучше-то все равно не становилось! Чиновники трепетали, дрожали и ждали опалы.

А жить красиво все равно хотелось. И новорожденная русская бюрократия стала вести двойную жизнь, то есть, как вы все правильно меня сейчас поняли, – не на одну зарплату. Вот вам, пожалуйста, первые наши отечественные оборотни – лебезящие перед начальством и жадно набивающие собственный карман, если никто не видит. Все худшее, что было в приказах, перешло и на коллегии – та же волокита, то же стремление нагреть руки на чужой беде, то же взимание мзды за любую мелочь. В одном из указов Екатерины есть такие слова:

«Сколько не предписано законов с угрозением наихудших штрафов, но вскоренившаяся междоусобная наглость и самовольство не истребляются, что главнейшее зло обществу; ибо сильный бессильного, богатый небогатого, кто с кого может, тот того и разоряет».⁷

Как велись дела в коллегиях, а затем в судах, палатах, канцеляриях и прочих присутственных местах, – об этом написаны тысячи страниц. Собственно, чуть ли не вся русская литература XIX века повествует о злоупотреблениях, взятках и вымогательствах. Как живые встают перед нами герои Гоголя, Грибоедова, Салтыкова-Щедрина.

«Старик тыкнул пальцем в другой угол комнаты. Чичиков и Манилов отправились к Ивану Антоновичу. Иван Антонович уже запустил один глаз назад и оглянул их искоса, но в ту же минуту погрузился еще внимательнее в писание.

⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого: В 12 т. СПб.; М.; Л., 1887–1975. Т. 12.

⁷ Цит. по: Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М.: Прогресс, 1995. Т. 3. С. 268.

– Позвольте узнать, – сказал Чичиков с поклоном, – здесь крепостной стол?

Иван Антонович как будто бы и не слышал и углубился совершенно в бумаги, не отвечая ничего. Видно было вдруг, что это был уже человек благоразумных лет, не то что молодой болтун и вертопляс. Иван Антонович, казалось, имел уже далеко за сорок лет; волос на нем был черный, густой; вся середина лица выступала у него вперед и пошла в нос, – словом, это было то лицо, которое называют в общежитье кувшинным рылом.

– Позвольте узнать, здесь крепостная экспедиция? – сказал Чичиков.

– Здесь, – сказал Иван Антонович, поворотил свое кувшинное рыло и приложился опять писать.

– А у меня дело вот какое: куплены мною у разных владельцев здешнего уезда крестьяне на вывод: купчая есть, остается совершить.

– А продавцы налицо?

– Некоторые здесь, а от других доверенность.

– А просьбу принесли?

– Принес и просьбу. Я бы хотел... мне нужно поторопиться... так нельзя ли, например, кончить дело сегодня!

– Да, сегодня! сегодня нельзя, – сказал Иван Антонович. – Нужно навести еще справки, нет ли еще запрещений.

– Впрочем, что до того, чтоб ускорить дело, так Иван Григорьевич, председатель, мне большой друг...

– Да ведь Иван Григорьевич не один; бывают и другие, – сказал сурово Иван Антонович.

Чичиков понял заковыку, которую завернул Иван Антонович, и сказал:

– Другие тоже не будут в обиде, я сам служил, дело знаю...

– Идите к Ивану Григорьевичу, – сказал Иван Антонович голосом несколько поласковее, – пусть он даст приказ, кому следует, а за нами дело не постоит.

Чичиков, вынув из кармана бумажку, положил ее перед Иваном Антоновичем, которую тот совершенно не заметил и накрыл тотчас ее книгою. Чичиков хотел было указать ему ее, но Иван Антонович движением головы дал знать, что не нужно показывать».

Вот оно, обычное ведение дел в городе N! С гоголевских времен выражение «кувшинное рыло» стало синонимом взяточника. Конечно, лицо это придуманное, но вот сама ситуация вполне реальная. Взятничество, отнесенное к должностным преступлениям, было и в те времена явлением обыденным. Существует даже исследование, по которому выходит, что взяточничество не мешало, а, напротив, помогало решать дела быстрее, проще и по закону. Так-то! И вообще автор его делает вывод, что наша неповоротливая бюрократическая машина способна более-менее эффективно работать только при условии надлежащей смазки. Впрочем, для литераторов прошлого взяточничество в силу гуманитарного образования представлялось все-таки пороком. Потому они и выводили в своих беллетристических произведениях склонных к мздоимству мелких, средних и крупных чиновников.

У всей этой массы взяточников и казнокрадов были отнюдь не безымянные прототипы. Некоторые мздоимцы достигали необычайных высот, и даже после разоблачения их имена не были стерты со страниц истории; другие, наделавшие в свое время немало шума, канули в Лету. Но я сейчас попробую воскресить их бледные тени.

Александр Данилович Меншиков – строитель Петербурга

Сподвижник Петра Великого, практически первое лицо в государстве (после царя), Меншиков был к тому же и удачливым мошенником, вором, взяточником, казнокрадом. Образ «светлейшего» сильно подпорчен его воистину титаническими усилиями побольше урвать. Начал он хорошо, жил широко, кончил плохо, но в истории, несмотря на все прегрешения, упоминается как величайший деятель эпохи Петра.

Если говорить честно, то благодаря усилиям этого деятеля казна потеряла чудовищные суммы, равные нескольким годовым бюджетам страны. Меншиков заботился и о процветании государства, но никогда не забывал о своем кармане. А поскольку он был «особой, приближенной к императору», то и без всяких махинаций имел возможность получать необходимое «пропитание»: ему, чтобы ускорить решение каких-то дел, получить приоритетное право на земли, достичь необходимых постов, несли дары те, кто стоял ниже на иерархической лестнице. И Меншиков брал. Если бы он не занимался ко всему прочему мошенническими операциями, то в светлой памяти народной остался бы, что называется, неподкупным. Однако...

В 1717 году выплыло так называемое «почепское дело». Речь шла о городке Почепе, который государь подарил светлейшему в порыве благодарности. Слушание дела велось в Сенате. Показания свидетелей и документы обрисовали весьма неприглядную картину. Светлейшему показалось мало подаренных земель, поэтому он стал «расширяться», попутно закабалая в крепостные свободных казаков, проживающих на этой территории. Естественно, казакам это не понравилось. Пошли челобитные в Сенат.

Дело Меншикова вел сенатор Шафиров. Но в результате сенатор лишился своей должности и отправился на вечное поселение в Сибирь, потому что вдруг оказалось, что он способствовал своему брату получить дополнительное жалованье и перерасходовал казенные деньги на лишние траты. Так что в 1722 году завертелось дело уже против него. А светлейшего только слегка пожурили. Он даже свидетелей своей честной жизни умудрился представить – не безвозмездно, конечно, для этих свидетелей, только вмешался гетман Украины Скоропадский и подтвердил нелicenseприятные князю факты. Вроде бы за таким доказательством должен последовать арест и обвинительный приговор. Куда там! Меншиков оставался на плаву при любых обвинениях. Он был нужен Петру, он умел создавать широкомасштабные государственные авантюры, приносящие казне прибыль.

Именно Меншиков подсказал Петру, как поправить дела, когда вдруг обнаружилось, что казна государства практически пуста: царь с Александром Даниловичем стали просто выпускать больше денег, то есть произвели девальвацию полновесного рубля. Сегодня мы в таких случаях говорим, что правительство включило печатный станок. Это был первый опыт подобного рода. Результаты очень понравились. Денег стало много. А то, что они уже ничего не стоили, – так это была проблема населения. Государство на «удешевлении рубля» неплохо заработало. С той чудесной поры печатный станок в нашей стране использовался таким образом неоднократно.

Немало Меншиков нажил и на операциях с поставками хлеба в молодую столицу Российской империи. Вроде бы делалось это тоже для блага отечества. По документам Александр Данилович нажил смехотворные суммы. Тяжеловесный доход лег в его карманы без всяких бумаг. Закупленный Меншиков хлеб «помок и попортился», то есть не дошел до горожан. И либо хитрый царедворец купил порченный хлеб, либо он купил воздух, то есть оформил фиктивную сделку. Покупают же в наши дни вагоны крупы, которая тоже в силу «усушки и утруски» до покупателя не доходит? Хлебные поставки так полюбились Менши-

кову, что он в компании с другими вельможами заключил сделки еще и с Казанской и Московской губерниями. Доход от сделок был превосходным – более 60 процентов прибыли, а точнее 48 343 рубля. Хлебное дело Петру не понравилось, и за злоупотребления и мошенничество двух подельников светлейшего, сенаторов Волконского и Опухтина, высекли прямо в Сенате. А Александру Даниловичу удалось выйти сухим из воды и на этот раз. Отделался штрафом.

Обвиняли князя и в перерасходе казенных средств. Только вот доказать этот перерасход было невозможно. Например, по высочайшему приказу послал он для подкупа герцога Мальбрука портрет Петра ручной работы с алмазами и прочими драгоценными камнями, стоимость в расходах казны указал в 10 тысяч рублей. Кто проверит? Портрет отослан, ревизионную комиссию к зарубежному герцогу не отправишь. Послал он генералу Платтору перстень с алмазом. А генералу Шультену трость и шпагу с алмазами. Кто теперь сможет установить реальную стоимость этих подарков? И пришлось Сенату поверить Меншикову на слово. А уж цену его слова мы с вами знаем!

Самое, конечно, забавное, – это инкриминируемое князю дело о трофеях. Александр Данилович считал, что часть награбленного русской армией принадлежит ему лично. Потому после Полтавской баталии он не побрезговал взять с обоза 20939 ефимок, а потом предпочитал не воровать. Просто, когда армия собиралась брать какой-то зарубежный город, светлейший предлагал сделку: или платите взятку, и тогда войско ничего не грабит, или ждите, дорогие граждане, когда мы начнем мародерствовать. Конечно, богатые западные города предпочитали сунуть князю на лапу, только бы не грабили. Сим оригинальным способом Меншиков получил с города Мекленбурга 12000 талеров, с города Шверина – 12000 талеров, с Гданьска – 20000 талеров, с Гамбурга – 10000 червонцев, с Любека – 5000 червонцев, несколько тысяч полновесных золотых попали в его карман и за земли Померании и Голштинии. Чем не заработок?

Петр, которому донесли о художествах светлейшего, простил боевого товарища по случаю рождения наследника. Долги и прегрешения были забыты. Единственное, что он велел: следствия по Меншикову не прекращать. Уж он-то знал, что светлейшего нужно постоянно держать на крючке, иначе его аппетиты будут непомерно расти.

После смерти Петра, когда к власти пришла Екатерина I, благоволившая к светлейшему, эти аппетиты остановить было уже некому. И Меншиков грабил страну по полной программе. Он был так уверен в своей неподсудности, что уломал государыню обручить его дочку Машку с наследником престола Петром Алексеевичем! Но всему хорошему приходит конец. В 1727 году этот наследник, получив подметное письмо, возбудил против князя дело, а затем конфисковал награбленное в казну и сослал светлейшего вместе со всем семейством и той самой возможной невестой Марией в Ранненбург, а через какое-то время в дальний Березов, где тот и умер после двухлетней опалы.

Дело непотопляемого Сухарева

Карьера сибирского губернатора Сухарева тоже связана с эпохой Петра. Пожалуй, не будь Петра, никакой карьеры и не состоялось бы. Хотя сам губернатор императора ненавидел. Но без нового курса на выходцев из низов стрелецкий полковник Сухарев не смог бы достичь практически никаких успехов, хотя, по отзывам современников, человек он был бесстрашный, отменно зарекомендовал себя в военных походах. Видимо, не мог он простить императору того страшного утра начала царствования, когда Петр велел казнить сотни стрельцов. Ведь сам полковник начинал свою службу именно в этом несчастном опальном войске. И требовалось иметь немалые таланты, чтобы с клеймом стрельца сделать карьеру в ту сложную и противоречивую эпоху.

Первые взятки полковника Сухарева состоялись за границами родины, когда русские войска победоносно шли по покоренной польской земле. Он действовал точно так же, как светлейший князь Меншиков: брал взятки за то, чтобы войско не грабило мирных жителей. Правда, когда он стал комендантом захваченного города Полонного, взятки стали сочетаться и с откровенным мародерством. А когда коменданта гарнизона обвинили в нарушении международных норм права, он отвечал, что наши служивые и так много натерпелись в походе, так что им для восстановления сил нужно полноценное содержание, потому и грабят. Как объяснял польскому правительству посол Долгоруков, умиравшие за отечество солдаты «ветром прокормиться не могут».

На склоне царствования Петра полковника Сухарева перевели в Сибирь, где он стал комендантом Тобольска, командовал он тогда Енисейским полком. Земля, подвластная Сухареву, была необъятна, контроля никакого. Дважды он замещал губернаторов Сибири, дважды попадал под следствие, но всегда в его действиях не находили состава преступления. В своей вотчине Сухарев делал все, что душе угодно. Угодно душе приблизить к себе ссыльного бригадира Рожнова, старого боевого товарища – он и приближал, даже разрешал тому принимать участие в судебных заседаниях, вести государственные дела! За такое самоуправство в столицу пошел донос от Татищева с Козловским, но... несчастному Рожнову ужесточили содержание, а Сухареву никакого наказания не назначили!

Другая история могла стоить Сухареву головы, его даже возили на следствие в столицу, но ничего не доказали и... вернули на прежнюю должность. А дело выглядело скверно. В Тобольске взяли ссыльного Тверикова. Этот гражданин попал в ссылку за многочисленные художества на свободе. Он бежал неоднократно с военной службы, давал ложные наветы и даже умудрился продать своему однополчанину чужое поместье. Так что за Уральские горы его доставили с выдранными ноздрями. Но запал он Сухареву в душу!

Комендант приблизил к себе Тверикова и, если верить показаниям последнего, предложил ему заработать, а доход делить пополам. Твериков сводил дружбу с простыми обывателями, которым нужна была юридическая помощь, и за определенную мзду обещал составить и вручить челобитные Сухареву и тогдашнему губернатору Черкасскому. Люди соглашались. Дело бы так и шло и приносило доход, однако случилась небольшая заминка. Как-то Твериков сговорился о «помощи» за сто рублей с тюремными сидельцами. Эта сотня предназначалась коменданту Сухареву. С одним из сидельцев, Кузнецовым, он отправился к дому полковника. Арестанта оставил ждать на улице, а сам вошел внутрь здания. Когда он вышел назад вместе с солдатом, то сказал Кузнецову, что полковник на него сильно гневается и велел взять в караул. После этих слов арестанта сбили с ног, отвели подальше от чужих глаз, придушили, а деньги забрали.

Чужие глаза все же сыскались, и Тверикова взяли под стражу. На допросе он тут же показал на Сухарева, причем сообщил и некоторую информацию опасного для полковника

свойства: как записано в протоколе дознания, комендант сделал предложение «чтоб он, Твериков, промыслил ему, Сухареву, из русских людей или из татар и остяков волхва для того – есть-де у меня мнение такое, сделать то, чтоб на свете не было жива царя Петра Алексеевича. Служим-де мы ему, да выслужили тоже как и другие наша братья – позорною смертью померли, лучше служить чужому царю, нежели ему».⁸

Обвинение это пахло смертной казнью. В чем тут дело, почему Твериков решил оклеветать Сухарева, или на самом деле тот замышлял нечто подобное – дело темное. Может быть, это была месть за несправедливый дележ добычи или какую иную обиду – истины мы никогда не узнаем. Но под пытками в разбойном приказе Твериков так же неожиданно пошел на попятную, признал свои слова наветом и был благополучно обезглавлен. Сухарев же вернулся к исполнению служебных обязанностей в город Тобольск.

А в 1734 году он был отправлен с ротой солдат брать самопровозглашенного иркутского губернатора Жолобова. На некоторое время он занял место губернатора и проводил сыск... о взяточничестве Жолобова. В докладе Сухарева ко двору сообщались чудовищные случаи лихоимства: одних только взяток Жолобов набрал на 34 821 рубль, кроме того чинил поборы среди местного населения и провел мимо казны 8230 собольих шкурок, поселил на своей территории китайских перебежчиков, взяв с них лошадьми и верблюдами, которых контрабандой отправил за китайскую границу и выменял на товары общей стоимостью в 4603 рубля, а помимо этого всячески притеснял жителей своей губернии, чинил неправые аресты, скрывал докладные о своих преступлениях на высочайшее имя и т. д. и т. п.

Жолобов, припертый к стенке, в ярости показал на Сухарева, и того снова повезли в столицу на дознание. И около пяти лет Сухарев провел под стражей. Зато годы «сидения» были с лихвой возмещены. В 1740 году Сухарев занял пост сначала вице-губернатора, а затем и губернатора Тобольска и получил чин генерал-майора.

Для сибиряков это были страшные времена. Губернатор вел себя как настоящий хозяин края. Во-первых, он вершил все дела по своему усмотрению, во-вторых, завел личную охрану из двенадцати гренадеров, в-третьих, залезал в казну, как в собственный карман, в-четвертых, откровенно требовал мзду за благополучный исход дел. Подвластные ему жители пробовали жаловаться в Сенат, но жалобы перехватывались сухаревским сыском, а с жалобщиками губернатор имел разговоры, после которых те старались поскорее скрыться с его глаз. Взятки в крае брались по полной программе, все, что прежде делалось бесплатно, стало возможным только за мзду. За деньги губернатор давал купцам доходные откупа, за взятки освобождал от налогов, а всех, кто выступал против, жестоко преследовал и в буквальном смысле сажал на цепь. Он свел дружбу с прокурором Елисеевым и митрополитом Антонием, так что были у губернатора и церковная поддержка, и юридическая. Как-то, для того чтобы сделать митрополиту приятное, Сухарев согнал рекрутов и заставил их... снести гору, чтобы митрополиту не приходилось кружной дорогой добираться до загородного поместья!

Все эти «подвиги» вынудили подчиненных послать императрице доносы на губернатора, но та, отменившая смертную казнь и проявляющая к высшим чинам благожелательность, отнеслась к ним без внимания. Тогда Сенат решил бить фактами, и вот в 1745 году в Тобольск был снаряжен для розыска следователь Боборыкин, который увидел, что факты соответствуют действительности, о чем и поставил в известность Сенат. Особенно потрясло следователя, что Сухарев знается с ссыльными, водит с ними дружбу и самостоятельно решает, кому из шельмованных людей дать освобождение подчистую, а кому сидеть! Он отправил доклад, но и Сухарев составил на Боборыкина донос! Причем не забыл указать в этом документе, что следователь Боборыкин вел и прежде его дело и потому имеет

⁸ Цит. по: Акишин М. Дело губернатора Сухарева // Родина, 2000. № 5.

предубеждение, а кроме того он свел дружбу с Иваном Темирязовым, который возбуждает местное население к восстанию против императрицы Елизаветы Петровны!

В результате Сенат постановил не платить Боборыкину жалования кроме как из тобольской казны, а тобольская казна находилась в руках у Сухарева, так что следователь и вся его сыскная команда перешли на подножный корм. Через два года, как пишут современники, они «пришли в крайнее разорение и последнее свое платишко испродали и испроели». Следователям не давали работать, они не получали доступа ни к одному делу, не могли вызвать без соизволения Сухарева ни единого свидетеля, на них производились систематические налеты. И доведенный до отчаяния Боборыкин вынужден был проситься назад, в столицу... На его место послали полковника Ошанина. Но и тому ничего не удалось сделать. Стоило ему собрать доказательства и найти свидетелей, как на Ошанина совершался налет, документы изымались. А свидетели уводились. Следствие застопорилось. И стопорилось оно ровно до той поры, пока губернатор Тобольска Сухарев не умер естественной смертью, от старости. В 1754 году следствие по делу Сухарева закрыли за смертью обвиняемого...

Дело следователя Крылова и генерал-прокурора Глебова

При Екатерине Второй наибольшую огласку получило так называемое дело Крылова.

Покровительствовал следователю Крылову весьма уважаемый сановник – генерал-прокурор Сената Глебов. Еще во времена Елизаветы Глебов познакомился с близким двору вельможей Петром Ивановичем Шуваловым, тем самым, что увековечен в стихотворении Ломоносова. Благодаря его связям Глебов получил должность обер-секретаря Сената. Новоиспеченному обер-секретарю было 32 года, и он еще не успел жениться. Этим приятным упущением и воспользовался Шувалов, чтобы укрепить свое положение при дворе. Как-то, совершая с Глебовым прогулку в карете, он указал на дом двоюродной сестры императрицы Марии Симоновны Чоглоковой и сказал примечательную фразу: «Вот вдовушка изрядная живет, и чтоб я отведал своего счастья».

Глебов понял намек. Скоро он свел с ней знакомство и женился. Правда, женитьба не оправдала его надежд: Мария Симоновна находилась в последней стадии чахотки, и денег у нее было мало. Ни восьмидесятичное жалование, ни наличие 900 душ крепостных не давали возможности безбедно жить в самом дорогом городе Российской империи. Глебов стал думать, как улучшить материальное положение. Покровитель, получив возможность влияния на императрицу через ее кузину, улучшать доход Глебова и не собирался. Поэтому молодой обер-секретарь обратил внимание на винные откупа, именно в них он видел возможность обрести желанный доход.

В ту пору вышел указ, по которому купцам запрещалось иметь винокурный промысел, этим правом обладали только дворяне. Купцам вменялось в обязанность либо продать свои винокурни дворянам, либо разрушить их. На решение этого вопроса давалось полгода. Поскольку разрушение винокурен было чистым убытком, купцы стремились их сбыть хоть за малые деньги, чем и пользовались дворяне, максимально занижавшие реальную стоимость. Впрочем, закон делал исключение для тех местностей, где феодальное землевладение отсутствовало. Такой зоной для России была Сибирь. По закону сибирские купцы не были обязаны продавать свое дело, но Глебов решил, что сможет их обмануть.

В 1756 году он уплатил в казну 58 тысяч рублей за винокурни в Иркутской губернии. А затем перепродал промысел уже за 160 тысяч рублей. Юридически владельцами винокурен стали два питерских купца. Дело было за малым: поставить в известность иркутских владельцев винокурен и лишить их промысла. В Сибирь Глебов откомандировал своего поверенного Евреинова, чтобы тот потребовал от иркутских купцов передачи винокурен в собственность других лиц. Тут-то и случилась неприятность. Сибирские купцы нипочем не хотели расставаться со своими винокурнями! Отказывались, и все тут! И по закону заставить их передать собственность было невозможно! Сибирь не входила в зону действия грабительского закона. Евреинов в отчаянии докладывал, что мирно проблему не решить. Тем более что на сторону купцов встал и иркутский вице-губернатор Вульф. Что делать?

Достигший к тому времени чина обер-прокурора Сената, Глебов составляет прошение в этот орган, требуя «учинения следствия о всех их поведеньях и иметь себе в сатисфакцию справедливость закона, и буде они тем себя льстят, чтобы его, через учиненные ему убытки, удержать от поставки вина, то сие несправедливо мыслят... а когда они надеются на свое богатство, то оно всеконечно, сколько бы велико ни было, не затмит правосудия».⁹ Сенат, идя на поводу Глебова, издает соответствующий указ и направляет для разрешения проблемы в

⁹ Цит. по: Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2004.

Иркутск следователя Петра Никифоровича Крылова, который тогда был в чине коллежского асессора (то есть в чине вполне ничтожном). Крылову приказали «все по доношению господина Глебова следствие производить надлежащим порядком, чиня основательные в чем кому надлежит допросы без наималейшего послабления и поноровки».¹⁰ Указ Сената давал следователю очень широкие права, причем оговаривалось, что в некоторых случаях он может проводить следствие, и не имея достаточных для оного фактов или доказательств.

И Крылов использовал указ в полную силу. Сибирь еще не видела подобного по жестокости следствия. Крылов вел себя на иркутской земле хуже, чем завоеватель, он применял недозволенные приемы, всячески унижал людей и подвергал их побоям и пыткам. Иными словами, он честно отработывал положенное Сенатом жалование. С собой он привез личное войско, состоявшее из селенгинских казаков. Сколько было этого войска, история путается. По одним документам 25 человек, по другим – 77. Начал он с того, что решил показать, кто в крае хозяин. Он перво-наперво опечатав магистрат со всеми архивами, а членов магистрата взял под стражу. Затем начались пытки и вымогательства; все иркутские купцы, чьи винокурни приобрел незаконно Глебов, были обвинены в преступлениях или злоупотреблениях. Вот что пишут об этом историки: «У 111 купцов в общей сложности было изъято 155 505 рублей 80 копеек – самые богатые из них под пытками и жестокими истязаниями раскошеливались на десятки тысяч рублей. Так, у Николая Брегалова Крылов изъял 23 тысячи рублей, у Ивана Бичевина – 30 тысяч рублей, причем этот купец в застенках Крылова скончался от пыток, у Михаила и Максима Глазуновых – по 15 тысяч с каждого. У менее богатых удалось выколотить десятки рублей: у Тараса Ракитина – 60, у Григория Кузнецова – 50, у Ивана Смиринина – 15, а Василий Шарыпов внес всего-навсего 1 рубль 55 копеек. Под угрозой новых истязаний иркутские купцы отправили в Петербург депутацию, которая должна была выразить Сенату благодарность за справедливые действия Крылова, преподнести Глебову и его домочадцам подарки от имени иркутского купечества, а главе семьи – взятку в размере 30 тысяч рублей».¹¹

Насколько Крылов ощущал себя полновластным хозяином, говорит тот факт, что он без стеснения предавался блуду с купеческими женами и дочками, его не останавливали ни возраст жертв, ни их положение в обществе, пострадали как именитые горожанки, так и небогатые купеческие дочери, среди них была даже десятилетняя девочка; нередко к сожителю с Крыловым женщин умоляли сами купцы, поскольку следователь обещал убить их в случае отказа. Мужья несчастных, разоренные дотла, многие потом так и не оправались. Крылов оставил после себя полное разорение и нищету. Казна получила с иркутских земель более 150 тысяч рублей, за что Сенатом была выражена персональная благодарность следователю.

Однако иногда зло не остается безнаказанным. Против Крылова выступил все тот же вице-губернатор Вульф. Может, он и не был кристально честным человеком, но считал себя хозяином края, и ему хотелось поставить питерского выскочку на место. Деятельность Евреинова, а затем Крылова он воспринял как личное оскорбление. Вице-губернатор стал слать в столицу донесения с просьбой разобраться, которые и были перехвачены людьми Крылова. Это Крылову совсем не понравилось, и он отстранил Вульфа от должности, арестовал, а сам... назначил себя вице-губернатором Иркутска! Бывший хозяин края оказался там же, где и все члены магистрата – то есть под замком. Арестованному Вульфу все-таки удалось отослать жалобу на высочайшее имя. И Елизавета решила навести порядок. Она лишила Крылова всех чинов. Но Глебов и тут постарался – дело Крылова срочно замяли. Кстати случилась и смерть императрицы: пришли новые люди, и забылись старые просчеты.

¹⁰ Там же.

¹¹ Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2004.

После смерти императрицы на престол взошел Петр Третий. Он дал Глебову чин обер-прокурора Сената, эта высокая должность позволила тому держать иркутских купцов в страхе и повиновении. Их прошения на высочайшее имя изымались по дороге, жалобы их так и не дошли до столицы. Царствование Петра Третьего было недолгим, следом наступил век Екатерины. Проницательная императрица хорошо видела, что собой представляет генерал-прокурор, но она ценила его обходительность и ум. (По словам современников, Глебов был приятной наружности и легко внушал к себе доверие – отличительное качество настоящего мошенника.) Правда, когда сибирские жалобы все же достигли высочайших ушей, Екатерина решила проблему по-своему. В 1764 году Глебов был уволен с должности и больше не мог оказывать давление на постановления Сената. Императрица постановила взыскать с Глебова все убытки, которые были причинены иркутским купцам. Впредь ему воспрещалось занимать государственную должность. Стоит заметить, что это решение выполнено не было. Лет через десять Глебов вернулся на государственную службу и участвовал в расследовании пугачевского дела. Следователя Крылова, лишённого по указу чинов, велели высечь кнутом и сослать в каторгу, а имение продать с молотка и вырученные деньги раздать пострадавшим. Но и это постановление оказалось невыполненным. Никаких компенсаций иркутские купцы не получили. Никакой каторги Крылов тоже не получил.

Впрочем, иркутское дело заставило Екатерину иначе посмотреть на близких ко двору людей. Назначая генерал-прокурором Сената Вяземского, она написала для него «Наставление», в котором есть следующие требования, своего рода должностная инструкция: «Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить против мене без всякого опасения, лишь бы только то благо произвело в деле». Особенно императрица подчеркнула, что не потерпит никакой лести и подхалимажа.

Конечно, эти три дела произошли в далекую от нас эпоху. Но поверьте, они точно так же будоражили общественное мнение, как, скажем, дела, заведенные на современных губернаторов и чиновников высшего ранга. Правильно говорят, что рыба гниет с головы. Все болезни начинаются, если воровство и взяточничество процветают в высшем слое общества. Тогда и чиновникам низкого ранга начинает казаться, что они боги и вершители судеб, и ни один закон не посмеет их осудить.

Во всяком случае, мелкие чиновники XIX века были так приучены к взяткам, что у них выработалось чувство полной безнаказанности и естественности происходящего. Скорее уж вызывало удивление и оторопь, если за такую малую провинность человека могли «закатать» в каторгу. Технология получения взятки была отработана до мелочей.

Технология взятки

Виды взятки

В XIX веке взятки делились на несколько категорий. Все они описаны в пьесах *Александра Сухово-Кобылина*, которому пришлось выяснить назначение каждого типа «казни народной» на собственном опыте. По несчастью драматург оказался замешанным в уголовном деле. Как сам драматург объяснял на многочисленных допросах, к убийству своей любовницы отношения он не имел. Следствие тоже ничего доказать не смогло. Но процесс над Сухово-Кобылиным тянулся долгие годы. Однажды он не выдержал и попробовал дать взятку одному из своих мучителей, но... при передаче кредитного билета обмолвился, что может и сообщить в вышестоящие инстанции, что чиновник такой-то принял взятку. Думаете, чиновник перепугался и тут же пообещал, что честно решит дело? Ничуть не бывало! Чиновник с самым беспардонным видом положил кредитку в рот и... сжевал. А дело драматурга снова застопорилось! Зато в результате этих мытарств появились на свет бессмертные пьесы. Одна из них так и называется «Дело». И в ней Сухово-Кобылин дает настоящую классификацию взятки.

Были так называемые, *аркадские, или сельские взятки*, которые брали натурой, то есть разными сельскохозяйственными продуктами, произведенными в имении или крестьянином. Это были небольшие взятки, и брали их тоже чиновники очень невысокого ранга.

Когда стало развиваться промышленное производство, появилась *промышленная взятка*. Обычно ее брали в суде за рассмотрение того или иного дела, существовала даже такса на ведение разных дел. Например, если речь шла о завещании, то чиновник мог потребовать третью часть всего переходящего к наследнику имущества. А при обычной практике купли-продажи брали минимально десятую часть со сделки.

Хуже всего было угодить в капкан к судейским чиновникам. Так называемую «*капканную*» взятку применяли к людям, совершившим уголовное преступление. Чиновник смотрел, насколько обеспечен его «клиент», и вытягивал из него все деньги подчистую. Причем степень вины (или даже невиновности) чиновника вовсе не интересовала. Могли разорить и совершенно невиновного человека.

Иногда чиновникам «заказывали» клиента. Делали это конкуренты или обиженные люди. В этом случае взятка называлась *удавкой* или *мертвой взяткой*. Она предполагала полное уничтожение честного имени и капитала «заказанного» человека. Очень часто дела просто фабриковались, строились на пустых домыслах, но ответчик признавался виновным, и его искусственно банкротили.

Мы привыкли в советские годы пользоваться эзоповым языком, то есть системой иносказания, которая была тогда хорошо понятна каждому нормальному человеку. Но эзопов язык в системе взяточничества был куда круче иносказаний диссидентов! Практически все связанное с самой взяткой и процессом ее получения имело устоявшиеся речевые обороты. И разговор двух заинтересованных в деле людей – взяточника и взяткодателя – больше всего напоминает диалог двух разведчиков. Эта система иносказания пришла еще со времен «сковороток» и «пирожков». Поэтому часто взятки и именовались в более позднее время «пирожками».

Стоимость одного «пирожка» не имела определенного денежного эквивалента. Все зависело от дела, за которое брался взяточник. Если дело было простым и не приносило большого дохода, то и «пирожок» был поплотше, то есть взятка поменьше. А если дело было путаным, но в результате его благополучного разрешения клиент получал огромное состо-

яние, то и «пирожок» был соответствующим. Иной раз взяточнику отписывали в качестве «пирожка» целые имения.

Денежные знаки имели в просторечии, как и сегодня, совсем другие названия. Например, если мы называли десятку червонцем, а двадцать пять рублей – четвертным, то и прежде для каждой денежки в зависимости от достоинства существовали свои наименования. Вот почему, если человек собирался дать взятку, он говорил, что «даст умыться с серебра» или «подсунет барашка в бумажке», а то и «вставит серебряный глазок». В чиновной среде родилось и замечательное выражение: «одолжить ножичка починить перышко», и, как видно, этот фразеологизм относится еще к эпохе, когда писали гусиными перьями, кончик которых периодически требовалось срезать ножом (тупились они, трескались, начинали разбрызгивать чернила и ставить кляксы). Некоторые денежные знаки в хождении имели «птичьи» клички. Так что вместо выражения «дать взятку» могло использоваться другое: «сунуть под хвост».

Недавно я разыскала книгу *Эраста Петровича Перцова*, друга Пушкина, подарившего свое имя и отчество герою Акунина Эрасту Петровичу Фандорину. Книжка так и называется «Искусство брать взятки». Издана она в 1830 году в Санкт-Петербурге типографией Николая Греча и сегодня стала библиографической редкостью. Сама по себе книга была задумана как сатирическое описание нравов тогдашней России. С юмором и сатирой у Перцова было, на мой взгляд, совсем плохо, но вот интересные сведения о том, как давались и брались взятки в России XIX века, получить можно.

Взятка натурой

Перцов упоминает, что взятки можно брать тремя способами.

«Во-первых, натурою; к сему разряду, причисляются обеды, подарки на память любви и дружбы, сюрпризы в дни именин или рождения самого взяточника, его жены и детей; нечаянное забытие вещей на столе или вообще в доме взяточника; продажа движимого имущества и уступка дворовых людей, совершаемые на законном основании, разумеется без платежа денег и т. п. Сего рода взимание взяток, вероятно, введено в употребление первобытными лиходателями, в древнее время, когда еще господствовала меновая торговля товар на товар. Взгляните на таковые взятки, как на все прадедовские обычаи, с сыновним благоговением и почтительностью; но принимайте оные с крайнею осмотрительностию: мало соответствуя духу нынешнего времени, они могут подвергнуть вас большим неприятностям, чем подвергается историк, делая анахронизмы. Не забудьте, что взятая вещь всегда напоминает прежнего своего хозяина; следственно, не от вас зависит вспоминание о средстве, коим она перешла в ваши руки. Лучшими из сего рода взяток справедливо почитаются обеды: такие взятки, скрываясь в безопасном месте, то есть в желудке, никогда не обличаются; и в летописях не было еще примера, чтобы обеды доводили до суда и расправы. Я сам знавал многих дельцов, которые постоянно несколько лет кормили завтраками просителей, не могущих давать им обедов, а просителей, дающих обеды, удовлетворяли, смотря по числу и качеству блюд; и которые притом во все время служения сохранили имя честных и бескорыстных чиновников. Бывало, придет проситель к такому дельцу на дом. Очень хорошо, скажет бессребреник, я рассмотрю ваше дело в такой-то день после обеда. Если просителем случался человек догадливый, то он тотчас же приглашал дельца в упомянутый им день к себе откушать, и тогда

успех дела зависел уже от искусства повара: иных стряпчих было не нужно; но если проситель не постигал таинственного смысла слов „после обеда“, то и пищи пропало».

Строго говоря, в современном понятии довольно часто взятки принимают вещами, то есть это вещественная взятка. В виде подарка чиновнику могут быть использованы телевизоры, видеокамеры, магнитофоны, и даже – автомобили, катера или яхты, легкие самолеты. Сама градация взятки и подарка очень шаткая. В американском законодательстве, например, все, что стоит свыше 20 долларов, – взятка. Если подарок прислали из-за границы – 225 долларов. У нас считается, что до пяти минимальных окладов – подарок, а после пяти – уже взятка. Но еще раз говорю: это такая тонкая граница, что доказать, был ли подарок законспирированной взяткой, сможет только экспертиза. Не секрет, что для многих мелких чиновников даже мизерная взятка до пяти минимальных окладов – хороший стимул к работе на клиента. Здесь по принципу анекдота: одна бабушка – рубль, десять бабушек – уже червонец. Для тех, кто анекдота не знает, напомним суть. Поймали серийного убийцу с поличным. Спрашивают в суде: «Ты что, ничего лучше не нашел, чем убивать бабушек? Ну что с них возьмешь?» На что убийца и выдает эту фразу про «десять бабушек». Так что та сумма, на которую не посмотрит чиновник средней руки, для мелкого чиновника может показаться «значительной».

С этой точки зрения советуем запомнить, что коллективный торт за 500 рублей на праздник воспитательнице детского садика – это не подарок, а взятка. И телевизор на нужды школы, который стрясают с вас те, кто по закону должен вкладывать в души ваших чад вечные ценности, – тоже взятка. Хотя адресат вашего телевизора – учительский коллектив и школьники, но обычно такая техника до детей почему-то не доходит. Да и потом, ведь покупая для школы недешевую технику, вы надеетесь, что ваш ребенок попадет в привилегированное положение, что к нему будут относиться немного иначе, чем к тем, кто не дал родимой школе ни копейки... А если вы так считаете, то и дар учительскому коллективу – самая обычная взятка. Тут даже не столько важно, какова стоимость вашего подарка, важна мотивация, как говорит психолог Александра Сизова, чьи размышления я только что изложила своими словами.

Еще в советские времена было принято оказать «уважение» нужному человеку, то есть многие проблемы решались только при стечении необходимых обстоятельств. Например, благоприятное решение по какому-то вопросу чиновник мог вынести не в своем служебном кабинете, а в ресторане, где специально для него заказывался изысканный обед, или еще проще – в доме самого просителя. Официально считалось, что чиновник изучает обстановку в семье или же осматривает помещение, чтобы выяснить на месте, является ли, например, жилье пригодным по всем нормам. Просители оказывали чиновнику «честь», то есть, переводя их действия на более понятный язык, всеми способами старались отблагодарить его за хлопоты: кормили, одаривали тем, что приглянулось, обещали вознаграждение в будущем. Денежной взятки очень часто в таких случаях как бы и не было, но чиновник получал свой «пирожок», а проситель – удачное разрешение проблемы.

Кстати, вещественные взятки до сих пор приняты... между налоговиками и юристами, то есть фирмами. Один предприниматель сильно смеялся, когда рассказывал о своем первом посещении налоговой инспекции:

– Эт-то было зрелище! Я словно сквозь века провалился в самую трясиину бюрократии. Первое, что эти милые товарищи предложили мне сделать, это принести с собой на прием:

- 1) один скоросшиватель;
- 2) пару конвертов;
- 3) «несколько листов бумаги», желательно пачку;
- 4) горсть скрепок.

И со смущением объяснили, что организация у них бедная, ну крайне бедная. Предприниматель, войдя в бедственное положение налоговиков, обеспечил их скоросшивателями, дыроколами, бумагой, скрепками и прочим хламом на год вперед. После этого к нему стали относиться мягче и даже запомнили фамилию.

Это практика повсеместная. Но все равно, даже если ты стараешься выглядеть славным малым и явно законопослушным, а не нарушителем, с тобой разговаривают с некоторым холодком. Хуже всего сам способ ведения диалога. Если такая налоговая группка приезжает «на проверку», это прежде всего унижительно. Точно они заранее уже знают, что фирма – нарушительница, а они все равно до истины доберутся. И если твоя фирма чиста перед законом, тем хуже для тебя – чистых фирм не бывает. Поэтому выгоднее иметь одно-два мелких прегрешения, чем идеально чистую бухгалтерию. Тогда есть возможность, что они обрадуются, найдя эти пустяки. Иначе будут копать серьезно – с упорством таксы, нырнувшей в нору за лисицей. А ведь при большом желании и большом аппетите можно выкопать что душевнее угодно! Вот мы при «встречах на нашем поле» и стараемся организовать для них хорошее питание, отдаем для нужд нищих налоговиков пишущий инструмент, лазерные диски и тому подобное. А если этим гражданам нужны живые деньги, то достаточно только спросить мимоходом, не может ли фирма как-то помочь налоговой инспекции, причем делается это в тот момент, когда проверяющие с тоской вытаскивают страшные стержни из своих ручек, бережно заклеенных изолентой... Может быть, вам быстро наберут нужную сумму на калькуляторе и тотчас ее сотрут...

Конечно, не всегда подарок может расцениваться как взятка. Но очень часто такие вещественные дары людям, облеченным властью, – закамouflированные взятки. Чиновник может и сам намекнуть, что взятку не берет, но если ему предложат оплаченный отдых на каком-нибудь престижном курорте, он не откажется. И нередко именно для нужного чиновника фирмы устраивают особенную лотерею, предлагая в качестве подарка от благодарного коллектива «правильный» лотерейный билет. Можете быть уверены, что номер и серия такого билета обязательно будут соответствовать крупному выигрышу. А доказать связь между лотерейным билетом и быстрым решением проблем у фирмы очень непросто. Иногда даже и невозможно. Если чиновник предельно пуглив, так ведь он может и заплатить десятку за приобретение такого билета. И тогда уже по закону привлечь его за взятничество вообще невозможно.

Взятка деньгами

Но вернемся снова в XIX век.

«Второго рода взятки, – пишет Перцов, – родились на свете вместе с изобретением денег и взимаются ходячею монетою по курсу, но из всей государственной монеты предпочтительно избирайте ассигнации, потому, что они переходят из рук в руки без шуму и без стуку, легко промениваются на серебро и золото, и даже еще с барышом, мало требуют места и удобно помещаются всюду: в карманах, за галстухом, в сапогах и за обшлагами рукавов... Ах, здесь не могу вспомнить без слез о том золотом времени, когда нашивали кафтаны и фраки с непришивными обшлагами! Мода, наравне с прочим, вооружилась против нас и впоследствии истребила сии рукавные закромы для денег. Одни только закоренелые подьячии в отдаленных губерниях еще решаются употреблять их! Всякое ремесло имеет свои технические термины: так и у нас брать деньгами называется „вести дела на чистую“; каждой из ассигнаций мы придаем особое название, основанное на отличительном ее признаке: пятирублевою называем

синицею, десятирублевую снегирем, двадцатипяти- и пятидесятирублевые белыми голубями, сторублевые щеголем, щегленком по ее величине и красивым узорам, а двухсотрублевые пеструшкою, по пестроте ее изнанки. Сей язык весьма облегчит вас при взаимном разговоре друг с другом: „метил в голубя, а попал в синицу“, „не зевай, ведь у него садки пеструшек“; сии выражения громко произносятся в присутственной каморе, перед зеркалом, при самих просителях, не возмущая никого удивлением. Не правда ли, что сии превращения лоскутков разноцветной бумаги в певчих птиц и рыбу суть истинно пиитические вымыслы, ибо поэзия любит одушевления; итак, вы видите, что и взяточное дело не лишено поэзии».

Вот они, дивные реалии прошлого! Голубки да щеглы, снегири да пеструшки. Наши чиновники разучились так ласково именовать летающие между ними и просителями купюры, да и вид у наших денег такой, что отбивает всякую охоту давать им нежные названия. Имена у наших денег в народе не весьма привлекательные: полтинник, столярник, косарь или штука, лимон. А вот американские деньги именуют обычно по тому портрету, что изображен на купюре. Взятка деньгами – стандартная для нашего времени. И приравнивается она к уголовному преступлению в любом случае, даже если сумма оказалась ничтожной. Так что, если вы даете современному чиновнику на ножичек, чтобы тот починил свое перышко, то вы даете взятку. А если даете «ножичком», то не всегда ваш поступок можно квалифицировать как взятку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.